

ЗИНАИДА ГИППИУС

БАРЫШНИ-
СОДЕРЖАНКИ

Зинаида Николаевна Гиппиус Барышни-содержанки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26118125

Аннотация

«Не так давно. Года полтора тому назад. Лето. Петербург... Нет, Петроград. Нет, и не то, и не другое. Дикое место, развалины большого города. Даже не вполне развалины, каменные Дома еще стоят. Только у них глаза слепые. А между каменными грудями – груды мусора (где были деревянные)...»

Зинаида Гиппиус

Барышни-содержанки

Не так давно. Года полтора тому назад. Лето. Петербург. . . Нет, Петроград. Нет, и не то, и не другое. Дикое место, развалины большого города. Даже не вполне развалины, каменные Дома еще стоят. Только у них глаза слепые. А между каменными грудами – груды мусора (где были деревянные).

Тротуары выворочены. Мостовая тоже. Посередине большой улицы – длинный черный провал. В эти провалы можно заглядывать. Там темно, и куда-то уходит подземелье.

(Если большевики решат строить «метро» – то, может, эти провалы пригодятся.)

По мусору, пыли и всяким другим вещам, пробираемся к площади соборной, что около Литейной.

Впрочем, Литейного проспекта нет. Есть Володарский. Это тот лодзинский портной, который был начальником всей русской печати. Это он ее, с большими криками и проклятиями, прекратил.

Год тому назад его убил рабочий на улице, очень счастливо убежавший. В самую Троицу, в проливной дождь, этого самого портного с великими почестями хоронили, предварительно выставив его на сколько-то ночей под военным почетным караулом в Таврическом дворце.

Впрочем, Таврического дворца тоже нет. Есть Урицкий.

Это американский эмигрант-закройщик, который регистрировал разогнанное Учр. собрание, а потом стал во главе все-российского сыска, принимал просителей во дворце на Сенатской площади (тоже нет, тоже Урицкая) и так буйствовал, что вскоре и его убил – студент.

Тоже хоронили там же с теми же почестями.

Церемония так долго длилась, что почетные караульщики забегали в соседние дома отдохнуть.

Пришли и к нам два матроса. Обыкновенные, с фальшивым локоном из-под заношенной фуражки. Один – с медальоном на декольте.

– Чего вы?

– Извиняемся. Уф, устали! Которого это уж мертвого жид да туда-сюда таскаем.

(Это не я говорю, это так матросы сказали.)

Но я все отвлекаюсь. Вот мы и пробираемся в летний день по стогнам бывшего города, от бывшего Таврического дворца к бывшему Литейному.

По площади хорошо идти, мягко. За собором выросла травка, да такая серьезная – нога шурчит. И даже беленькие цветочки. Птиц недостает (съели их или сами подохли?), а если б еще птички – совсем бы рай. Когда-то здесь шумел «злой город», – ведь это центр бывшей столицы, – а теперь, чем не идиллия?

На углу, помню, вот был грохот! Теперь тишина. Не только не едет никто (на чем бы?), даже прохожих нет.

В большом каменном доме на углу, внизу, вместо лавок то дыры, то доски. Но мы знаем: если свернуть налево – будет дверца, а за дверцей «кафэ». Честное слово, кафэ, и прилавок, и что-то лежит на тарелке, и если дать ленту керенок (еще были тогда), то что-то можно взять.

Мы вошли. Сели за столик. (Там и столики.) Нам позволили взять черное в стакане без блюдечка. И еще серое твердое, объединенное мухами, которых тут было видимо-невидимо.

Сидели разные люди, рваных не замечалось, а так как больше военных – то больше нарядных. И две-три барышни.

Барышня-продавщица, с крепированными волосами, тоже подсаживалась к столикам. Все «кафэ» было в пяточок, все и сидели как бы вместе.

Самый нарядный – все-таки матрос. Опять в фальшивых локонах, на руках золотые браслеты, а лицо ничего себе, курносое, лениво-доброе.

Но вдруг этот нарядный кавалер вскочил, точно его укусило, схватил одну из барышен за руку, пониже плеча, заревел: «Пойдем» (еще что-то прибавил) и кинулся к двери. Тащимая барышня звука не издала, неловко подхватила свободной рукой какой-то портфелишко (служащая, видно) – и оба они с необычайной быстротой скрылись.

Оставшаяся компания некоторое время молчала. А потом барышня-продавщица, обращаясь к единственному гостю в пиджаке и как бы продолжая старый разговор, произнесла:

– Вот, вы все – нельзя, да нельзя, осуждаете. А ведь это мученицы, право. Ну жива, ну сыта, да ведь чего стоит этот кусок. Видели?

Пиджачник вздернул плечами.

– Тем более. Поменьше кусок, да побольше покоя. И чище.

Вся вспыхнула другая барышня, рядом, в белой шляпчонке, остроносенькая, тоже с какими-то бумажками, – служащая. И так быстро заговорила, что сама все время перескакивала.

– Поменьше? Поменьше? Это кусок, жалованье наше? Это ноги протянуть, эти тысячи. И пусть самой, а если у кого старики, вот как у меня? Их что ли продавать? А вы – чище. Чистоты какой-то захотели. Как не совестно. Да я, да мы, да вы...

Она захлебнулась и остановилась. Худой человек в солдатской форме, но довольно потертой, сказал:

– Конечно, что тут. При подобной нужде на все пойдешь. Это очень естественно, что барышни идут на содержание, другого выхода нет. Только одно странно: почему самые воспитанные идут именно к таким, как вот этот... Федотов что ли. Сами же говорите, – что оне – мученицы. Что вот эдакий – он ей свой кусок выколотит...

Человек в пиджаке подозрительно взглянул на говорившего.

– Вы не из бывших ли офицеров? Мне, впрочем, нет дела.

Я к тому, что это уж, это-то можно понять, и ничего странного нет.

– Конечно, это ясно, – подхватила продавщица. Если вы сознательный человек – тем более поймете. К вам, например, нет смысла идти на содержание, у вас, вон, и у самого сапоги драные. Смысл имеет идти к тому, у кого есть. Не всякой повезет на такого, кто повыше, из интеллигентных... Ну, вы понимаете. Они уже заняты. А другие, у кого есть, – кто же? Вот главные, балфлотчики. И они не злые, в сущности, даже щедрые, подчас; и они не выбирают очень, им, главное, чтоб была настоящая барышня. На это, они, действительно, смотрят. Если институтка, из бывших дворянок или, того лучше, из бывших графинь, – вот это-то им и лестно. Федотов, например, Ниночке П-ной, под щедрую руку – и шоколаду, и сапоги высокие, и того, и сего; но уж, действительно, – бьет ее чем возможно, чуть не каждый вечер. И хвастается еще. Ему опять-таки льстит: барышня, самая нежная, графиня, – и в полной его власти. Она боится его ужас как, и безответная, ну а это-то ему, понимаете, и сладко.

Молоденький мальчишка, в новой солдатской тужурке, бледный, с бледными и наглыми глазами, сказал, рисуясь:

– Психологический факт. Революционное время. Воспитание женщин при старом режиме делало из женщины вещь во всех отношениях.

Военный, с дырами на сапогах, удивленно и опасливо поднял глаза. Остроносенькая барышня только вздохнула, но

смелая продавщица презрительно фыркнула.

– Вы, тоже! Вещь во всех отношениях! О старом что ли режиме мы разговариваем. Нет, – обратилась она снова к прежнему человеку в пиджаке, – вот вы мне скажите-ка еще, осудите-ка Ниночку или других там! Мы ведь ни одну не знаем, и Федотов не один. Все так. И я говорю – пусть. Пусть, которая только может, идет и на содержание-Мальчишка взвизгнул:

– Это что за слово? Что значит, на содержание? Если я беру себе в гражданские жены бывшую буржуйку и желаю привести ее к усвоению революции – я этого не смею? Это содержание называется? Это контрреволюция называется!

Тут мы помертвели. Ведь этот мальчишка мог быть с Гороховой. Ведь каждый может быть с Гороховой. Что за безумная дура эта барышня-продавщица! Нашла кого для разговора! Конец ее «кафэ», да и нас сейчас всех запрут! Уходить уже поздно.

К великому нашему изумлению барышня-продавщица вдруг громко расхохоталась. Даже как-то неестественно громко. И положила руку на плечо мальчишки.

– Да бросьте дурить! – сказала она совсем другим тоном. – Точно в словах дело. И точно вы сами не говорили мне вчера, что Федотов, в общем, довольно несознательный тип!

Мы, не сговариваясь, поднялись и пошли к выходу. Старались не спешить. За нами выпоркнула остроносенькая барышня, потом грустный, обтрепанный военный, потом и че-

ловек в пиджаке. Каждый выходил отдельно и, выйдя, сразу пропадал, тоже отдельно. Даже странно, как это они так быстро исчезали на пустынной, светлой улице.

Мальчишка с бледными и наглыми глазами не вышел. Он остался с барышней-продавщицей. Он был наряжен, хотя и не так наряжен, как Федотов. Но ведь и продавщица, хотя и настоящая, барышня, вряд ли была графией.